

Сов. культура
1985, 160кб.

Рита Райт-Ковалева:

ОТКРЫЛСЯ МИР ИНЫХ СОЗВУЧИЙ

В 1984 году известной советской переводчице Рите Райт-Ковалевой за плодотворную переводческую деятельность и популяризацию американской художественной литературы была присвоена Международная литературная премия имени американского писателя Торнтон Уайлдера.

Премию вручал известный американский поэт Уильям Смит, который в своем выступлении подчеркнул, что мастерство Райт-Ковалевой сделало многих героев американской литературы близкими миллионам советских читателей.

Здесь уместно напомнить, что зарубежная литература в нашей стране переводится и издается миллионными тиражами: так, если в 1975 г. общий тираж переведенных с языков мира книг составил 80 миллионов экземпляров, то в 1984 году эта цифра увеличилась до 176 миллионов. За последние 10 лет в СССР только авторы США вышли общим тиражом 152 миллиона экземпляров.

За свою долгую творческую жизнь Райт-Ковалева перевела произведения Марка Твена, Джона Голсуорси, Джона Бойнтона Пристли, Эрнеста Хемингуэя, Уильяма Фолкнера, Грэма Грина, Джерома Сэлинджера, Вернора Генриха Белля, Эльзы Триоле, Натали Саррот, Курта Воннегута, Уильяма Сарояна, Томаса Бернхарда и многих других. И сейчас она много и плодотворно работает. Переводчица охотно согласилась ответить на несколько вопросов нашего корреспондента.

— Когда началось ваше знакомство с иностранными языками?

— С тех пор, как я себя помню. Я выросла в интеллигентной семье. Кроме родного русского языка, мы с сестрой изучали немецкий, английский, французский. Мне не было и шести, когда произошел случай, который всех позабыл. Мама часто читала нам вслух по-немецки сказки братьев Гримм или детские стихи, и я всегда следила за тем, как она водит пальцем по строчкам. И вот однажды ей было некогда нам читать, а я взяла книжку и сказала: «Я сама прочитаю». Все решили, что я выдумщица и хвастунишка, но удивились, что я действительно умею читать. И вот эта уверенность, что я знаю иностранные буквы, что я могу, умею, очень помогла мне в освоении других языков. Потому что исчез тот самый психологический барьер, который старательно сооружает сам же обучающийся иностранному языку человек. Я заучивала наизусть множество английских, немецких и французских песен. И вскоре для меня, кроме родного языка, возник и стал существовать какой-то другой языковой ряд, где рифмовались слова, появлялись сказочные образы. С самого детства в сознание вошла поэзия. Это был какой-то удивительный мир, покидать который — даже ненадолго! — ни за что не хотелось. Любовь к поэзии началась с Пушкина, Лермонтова, Баратынского, Некрасова. Совсем маленькой девочкой я знала наизусть несколько стихотворений Гете, Гейне. И прозу я читала запоем. Даже когда приходила к кому-нибудь на новогодний праздник и видела английскую или французскую книжку, которой у меня не было, тут же садилась около украшенной стеклянными шарами елки — чтобы праздник был рядом! — и начинала жадно читать.

— Кто был вашим первым учителем в литературе?

— Мне очень повезло: им был Владимир Владимирович Маяковский. Я училась на медицинском факультете университета. И вся молодежь была тогда без ума от Маяковского. А ведь его книг у нас не было. Мы доставали их с трудом, переписывали, запоминали наизусть. Его стихотворения действовали на нас бодряще. Чувствовалось, что он открыто, всем сердцем презирает плесень враждебного, навсегда уходящего мира. Стихи дышали свежестью новой жизни. Мне удалось выпросить у знакомого книжку «Все сочиненное Владимиром Маяковским». Через несколько дней я знала ее почти наизусть. Тут же перевела несколько стихотворений Владимира Владимировича на немецкий. А потом решила показать их лично поэту.

В июле 1920 года я набралась смелости и позвонила Маяковскому в РОСТА, а когда услышала: «Что же, товарищ, очень рад. Приходите непременно», то от Моховой до Малой Лубянки буквально неслась бегом. Первое впечатление было неожиданным: Маяковский по своим стихам представлялся мне громкоговоримым, грубоватым. А здесь, у длинного стола, заваленного планетами, я увидела огромного бритоголового человека со спокойными добрыми карирами глазами. Он предложил почитать мои переводы. Маяковский не очень хорошо знал немецкий, но на слух ему понравилось, потому что по ритму и по созвучиям получалось похоже. И он тут же предложил мне перевести «Третий Интернационал» и прочел своим полным голосом неизвестные мне стихи. Можете себе представить, как я слушала! Для меня это было событие. Живой Маяковский читал мне свои стихи. Узнав затем, что я знаю еще английский и французский, он сразу же попросил перевести подпись для завтрашнего «Окна». Ведь тогда Москва готовилась к встрече делегатов второго конгресса Коминтерна. Мысль пустить очередное «Окно сатиры» на трех языках ему страшно понравилась. Он дал мне стихи и сказал, что их нужно перевести к завтрашнему дню. Я ответила, что не сумею. Он сказал, что надо суметь. Я была в таком восторженном состоянии, когда можно сделать все что угодно. Подписи и лозунги у меня получились и появились в «Окне». Еще через несколько дней я перевела «Третий Интернационал», и Владимир Владимирович предложил поскорее сдавать экзамены и начинать работать в РОСТА.

Так я стала сотрудницей художественного отдела Российского телеграфного агентства, как значилось в моем удостоверении. Это было счастливейшее время — начало моей работы в литературе. То, что Маяковскому нравилось, он всегда прочитывал вслух. И это означало, что подпись принята. Если же нет, он молча рвал и бросал лист под стол. Маяковский не прощал неточности и вранья. Терпеть не мог расхлябанности, пустой траты времени. Он научил меня быть точной, организованной. Сам никогда не опаздывал, никогда никого не подводил. Именно ему я обязана тем, что выработала в себе самодисциплину и самокритичность.

В апреле 1921 года Маяковский вызвал меня по очень важному делу. В июне должен был состояться третий конгресс Коминтерна. И революционную пьесу Маяковского «Мистерия-буфф», которая уже с большим успехом прошла в театрах Москвы и Петрограда, было решено поставить на немецком языке. Маяковский был очень взволнован, описывая предстоящий грандиозный спектакль. Его вдохновение захватило и меня. И труднейший для перевода текст «Мистерии» удалось перевести за десять дней.

— Когда вы почувствовали, что стали профессиональным переводчиком?

— Определить это самой было бы чрезвычайно трудно, потому что я никогда не удовлетворялась сделанным. За меня это сделал Корней Иванович Чуковский. Когда вышел перевод книги замечательного американского писателя Марка Твена «Жизнь на Миссисипи», он позвонил мне и сказал, что я со спокойной совестью могу считать себя переводчиком. Этот звонок значил для меня очень много.

— Рита Яковлевна, верно ли, что переводить трудно?

— Если начистоту, то очень трудно. Некоторые филологи вообще сомневаются, что это возможно. Считают, что перевод — это всего лишь некорректный, тусклый и искаженный образ оригинала. В какой-то мере они правы. При переводе что-то неизбежно теряется.

— Какими качествами должен обязательно обладать переводчик?

— Мое глубокое убеждение, что самое главное для переводчика — это способность к перевоплощению. Признаюсь, что в юности я мечтала стать актрисой. Но в те времена в моде были только классические красавицы. Это теперь актриса должна быть прежде всего интересной личностью. Если бы я родилась на 70 лет позже, обязательно бы стала актрисой.

— Хотелось бы на несколько минут войти в вашу творческую мастерскую. Расскажите, как вы работаете?

— Как правило, я работаю очень медленно. Сначала несколько раз читаю оригинал, пока не проникнусь содержанием книги, не уловлю авторской интонации. Потом приступаю непосредственно к переводу. В поисках самого удачного русского эквивалента, нужной эмоциональной окраски приходится пробовать множество вариантов. Верно говорят писатели: талант от бога, результат — от труда. Сам процесс перевода я очень люблю. Вгрызаться в новый текст, смотреть не только на строчки, но и в контекст, попытаться передать мироощущение автора, его жизненную философию — это интереснейшее, захватывающее занятие.

Мне всегда хочется сделать работу так, чтобы наш читатель воспринимал все происходящее в книге события так же живо, как и человек, читающий ее в оригинале.

Для этого нужно не просто перевести текст, а передать эмоциональное впечатление, полученное от книги, чтобы донести до читателя жизненную позицию автора и дыхание эпохи, в которой живут герои. Необходимо услышать их голос, представить, как они будут говорить по-русски.

— Вы брались за переводы книг, от которых все отказывались. В частности, я имею в виду Фолкнера...

— Я никогда не стремилась уйти от трудностей и глубоко убеждена, что долг каждого человека на земле, где бы он ни работал, сделать все, что в его силах, чтобы жизнь на земле стала лучше, богаче и веселее. И мне очень хотелось рассказать нашему читателю все, что великий писатель Фолкнер рассказывал в своей знаменитой трилогии. Конечно, были и пробные переводы. Когда мне их показывали, я говорила, что нельзя американского фермера пересаживать в русскую избу, что нельзя подгонять Фолкнера под какого-нибудь русского автора.

К Фолкнеру нужен был очень серьезный подход. Потому что мы ничего не знали про фермеров Юга Америки, для нас они были совсем чужие. Нужно было понять их психологию, понять, какими их видел автор. Захотелось представить и самого автора. Поэтому я постаралась прочесть о Фолкнере все, что о нем вышло, также все его книги, какие только могла достать. Потом прочла историю Америки, читала даже про первых поселенцев, знакомилась даже с географией, ведь среда обитания тоже сказывается на темпераменте и характере. Прочитав все это, я уже стала у Фолкнера кое-что понимать. После этого обложилась словарями, полюбив как можно ближе милого Далля. Работала над переводом по системе Станиславского: то есть мне надо было представить себе не только предлагаемые обстоятельства, но и окружение героев, их путь от самого рождения, чтобы каждый персонаж стал ясным и многомерным. Это было не так-то просто. Но в один из дней я вдруг ощутила, что герои вокруг меня ожили, заговорили, и я почувствовала, что знаю каждого из них, вижу даже походку. В воображении возник зримый портрет и сложный характер каждого Сноупса. Фолкнер — огромный талант: внутренняя жизнь героев проявляется во всем его повествовании, и при переводе ее нужно было обязательно сберечь.

Фолкнер оказался для многих переводчиков трудным писателем. В огромных предложениях речь перебивчивая, с запинками, асостановками, реминисценциями, неожиданными ассоциациями. Все это нужно было сохранить. Кроме того, он не плоский автор, у которого сугубо событийная или приключенческая проза, у него есть и отношение к героям, крупным планом даются все сложности человеческой души. Даже убийца Минк по-своему интересен и значителен. У Фолкнера, как у всякого большого писателя, в книгах сказано гораздо больше, чем содержится во фразе. И это надо было уловить. Фолкнер покорила меня своей зоркостью, наблюдательностью и мужеством. Он из тех людей, у которых, как говорили в старину, дух сильнее материи. Его произведения бесспорны в своей правдивости. Дрожь пробирает иногда от простых вещей, которые он описывает. Иногда героям нужно было почувствовать как свою собственную, и удавалось ли это, не мне судить.

Так было с книгой Сэлинджера «Над пропастью во ржи». Рассказ там ведется от первого лица. И я долго не могла услышать, как разговаривает этот мальчик. Я даже заглавие написала не сразу. Буквально оно значило «Ловец во ржи». Но юный герой Сэлинджера говорит, что он стоит стражем у самого края обрыва и не дает беспечным малышам сорваться в пропасть, и этот образ переходит в сложную символику.

Перевод оказался на редкость сложным. Я подолгу ходила по лесу в Голицыне и пыталась вообразить себе этого мальчика. Но он у меня все не получался. И в один из дней, когда я совсем отчаялась, вдруг его увидела: и куртка у него была застегнута не на ту пуговицу, потому что он не любил рано вставать и быть, как все, чересчур организованным, и гольфы все время сползали, потому что он не любил носить модные в ту пору подтяжки. Но самое главное, я вдруг услышала его голос, его трогательную доверительную интонацию и почувствовала в нем какое-то недовольство налаженным, стандартизированным бытом, богатым убожеством бездуховной Америки.

— Какими критериями вы руководствуетесь в выборе книг? От чего отказываетесь?

— Я никогда не делаю так называемых коммерческих переводов. Пусть мне предлагают книгу известного автора или захватывающий детектив или бестселлер, но если я не почувствую, что книга «моя», переводить ее не буду. Мне как-то давали «очень увлекательную» книгу, но если бы я согласилась ее переводить, то год или два я должна была бы постоянно жить среди жуликов, воров, убийц и наркоманов. Для меня это невозможно. Я с готовностью буду находиться среди бедных, обездоленных, но честных и порядочных людей. Чтобы дело спорилось, обязательно должна любить героев. Книга обязательно должна учить читателя жизненной стойкости, чистоте, добру.

— Чем, на ваш взгляд, привлекает советского читателя американская литература? Что вас в ней привлекает?

— Ну, хотя бы тем, что лучшие книги в Америке написаны прогрессивными писателями с благородными, гуманными идеями. В своих произведениях они выступают против войны, социального неравенства, всякого насилия и угнетения человека человеком. Эти писатели — самые настоящие интернационалисты — то, что плохо с их точки зрения, плохо и с точки зрения любого жителя нашей планеты.

Все люди доброй воли на земле в конечном счете единомышленники. Ведь как бы там ни было, а у честных людей самых разных национальностей, самых разных стран — единая шкала человеческих ценностей: все они ненавидят ложь, угнетение, жадность, жестокость, лицемерие и ценят искренность, дружелюбие, юмор, отзывчивость, самоотверженность, смелость, доброту. Такова позиция всех прогрессивных зарубежных писателей. Книга играет огромную роль в сближении народов, в их стремлении лучше узнать и понять друг друга.

Беседу вел
Е. ГИЛЬАНОВ.
Фото С. Шевченко.